

Дмитрий Богославский

Дитенок мой милый, андел Васенька

Отрывки из пьесы в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВАСИЛИЙ — Шукшин Василий Макарович.

МАРИЯ — Куксина Мария Сергеевна, мать
В.М. Шукшина.

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ — Емельянов Ермолай Григорьевич, бригадир колхоза «Катунь».

ДУСЯ — почтальонша.

МАРЧУК — Марчук Михаил Никандрович, председатель сельсовета.

ДОБРОВСКИХ — Добровских Фёдор Иванович, секретарь райкома партии.

<...>

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1.

1947.

Пасмурно. Низкие грозовые тучи зависли над бескрайним темным полем. Где-нигде еще блестит оно светлым, схватившимся за ночь ледком, а в остальном давит своей бескрайностью, обездвиживает перепаханными внутренностями черной жирной земли и сшибает с ног холодным весенним ветром, выдувающим из почвы последнюю зимнюю влагу. Вот-вот, гляди, пойдет окладной, и не предвидеть уж, когда он скончится. Откуда-то издали звучит колокольный звон, пытаюсь прорваться сквозь порывы холодного ветра. И над этой картиной, еле слышно, будто растворяясь, звучит:

*Когда молод был, горя не было
...горя не было.*

*Возрастать я стал — горе прибыло
...горе прибыло.*

По подмороженной дороге, удаляясь от нас, идут две спины: никак парень молодой, лет 17, и женщина, видать, мать его. Парень идет чуть впереди, твердой поступью подминая под сапогами мерзлую грязь. Поскрипывает ручка деревянного короба. Женщина ступает за ним почти во след, торопится, силится успеть за уверенной поступью сына. А распев все льется сквозь колокольный звон и завывания ветра:

*Куда не пойду, в беду попаду
...в беду попаду.*

*Брошу здешний мир, пойду в монастырь
...пойду в монастырь.*

Редкого терпения люди!

Я не склонен ни к преувеличениям, ни к преуменьшениям национальных достоинств русского человека, но то, что я видел, что привык видеть с малых лет, заставляет сказать: столько, сколько может вынести русская женщина, сколько она вынесла, вряд ли кто сможет больше, и не приведи судьба никому на земле столько вынести. Не надо.

В.М. Шукшин

Парень останавливается, мать успевает замереть в шаге за его спиной. Стоят. Молчат какое-то время: он, глядя вокруг, будто прощаясь, она — в любимый затылок.

МАРИЯ. Што ты, Васенька? Чего стал, андел мой?

ВАСИЛИЙ. Смотрю и думаю о том, как наши предки шли вот по этим местам. Шли годами, останавливались зимовать, выходили замуж по дороге, рожали. До чего упорный был народ! Ну вот ведь она, земля, останавливайся, руби избу, паши. Нет, шли дальше и дальше, пока в океан не уперлись, тогда остановились. А ведь это не кубанские степи и не Крым, это Сибирь-матушка, она <шуток не понимает>. Ты не плачь, мамка, не плачь...

МАРИЯ. Снов много вижу, андел мой. Говорят, каждый из них что-то да значит, а как толковать их — не знаю. Ты ж пиши мамке-то как устроишься, хоть бы каким добрым словом отбояривайся, а то и того не дожدهшься.

ВАСИЛИЙ. Я о чем угодно забуду, моя дорогая, но не о матери своей. Я ж продолжение твое, единое целое.

Мать обнимает сына со спины, прижимается мокрой щекой чуть ниже лопаток.

МАРИЯ. Мальчишкой ничего и никого не боялся. А тут попросила курицу зарубить, а ты не сладил, только поранил...

ВАСИЛИЙ. Мам...

МАРИЯ. Курица по двору мечется, кровь из нее хлещет; ты побледнел, топор отшвырнул и в дом ушел. Пришлось соседу все доделывать. Вкусная, наваристая лапша с курочкой получилась.

ВАСИЛИЙ. Только я к ней не притронулся — все переживал... Грустно, мам... и немножко страшно.

Крепче обнимает мать, будто хочет оставить оттиск лица своего на спине у сына.

МАРИЯ. У тебя дар любви к людям, ангел мой... любви мучительной, с чувством вины и боли. Добрый мой, жалостливый, всем стараешься помочь, все людское горе на себя примеряешь. А про матерей пошто не думаете?

ВАСИЛИЙ. Таля, вон, маленькая — о ней думать надо, а я, мам, могу. Смогу. Рвану за флажки, как говорится, не всю ж жизнь в роли догоняющего быть.

МАРИЯ. Так оно, Вася, так. Я чурбан, так вы хоть учитесь. Правильно. Правильно.

Подкатил ком к горлу матери, слышно. И у сына слышно, как подкатывает.

ВАСИЛИЙ. Как они по два-три года добирались до мест своих поселений, люди-то наши! Впрочем, наверно, это становилось образом жизни — в пути. У меня отец — Макар; и я где-то прочитал, что Макар — это путевой.

МАРИЯ. Ну путевой, так путевой. Ну, дитенок, будь здоров.

Мать мягко хлопывает сына по спине рукой, отправляя. Сын делает шаг вперед, затем резко разворачивается, быстро целует несколько раз мать в щеки, обнимает ее, и уже идет не оглядываясь. Крестит мать сына в спину. А распев все льется:

*Там я выстрою келью новую
...келью новую.
Келью новую, в три окошечка
...в три окошечка.*

Ветер рвет уголки платка, пробирается сквозь ворот куда-то в глубь к материнскому сердцу. Хватается мать за ворот, а ветер сшатывает ее с дороги в объятия поля. Сапоги вязнут в жирной земле, она переступает с ноги на ногу, валится в черное месиво.

В первое погляжу — на Дунай-реку

...на Дунай-реку.

В другое погляжу — разыграюся

...разыграюся.

В третье погляжу — разрыдаюся

...разрыдаюся.

Сын уж скрылся из виду, а она все сидит так не отпуская, не отводя взгляда от кого-то видимого только ее материнскому сердцу за тысячи километров.

МАРИЯ. Сон вижу. В тятином доме-то, в ограде у нас на ослике сидит святой с бородкой. «Поводи, говорит, меня, девочка, по оградке-то, поводи». Я — вроде так и надо — взяла ослика-то за уздечку да вожу. Вожу, а сама возьми да подумай: «Дай-ка я у него спрошу: што мне на тем свете будет?» Старичок засмеялся, достал откуда-то из-под полы бумажку и подает мне. Вот, говорит, чего тебе будет... *(Молчит.)* Снов много вижу, ангел мой. Говорят, каждый из них что-то да значит, а как толковать их — не знаю... не знаю, дорогой мой, ангел мой, Васенька...

<...>

Читка пьесы Дмитрия Богославского

«Дитенок мой милый, ангел Васенька» состоялась на экспериментальной сцене краевого театра драмы имени В.М. Шукшина 27 мая. В роли Марии, матери Шукшина, — актриса Елена Адушева. Добровских Фёдор Иванович, секретарь райкома партии, — заслуженный артист РФ Георгий Обухов.

Макар Шукшин — артист Евгений Бакуменко.

Фото Кирилла Ботаева

1942.

Поле. Жарит солнце. С теневой стороны скирды с пахучей соломой сидит дядя Ермолай: разложил нехитрую еду на платке — приготовился обедать. Мария идет в его сторону по проселочной дороге, вытирая пол со лба. Прищурился дядя Ермолай, левому глазу пальцем помог — сфокусировал зрение, увидел, кто в его сторону идет — решил обождать.

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Ну, говори, Мария.

МАРИЯ. Чо?

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Раз аж с того края пришла, значит, разговор серьезный. Говори.

МАРИЯ. Люблю, Ермолай Григорьевич, людей знающих, поживших, они время зря не теряют.

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Так и ты не теряй, не девка. Чаво надо?

МАРИЯ. Ермолай Григорьевич, возьми Бога ради моего Васю-то копна возить на волокушах. Все хошь маленько да подработает. Только знай, што это не я прошу, а он сам! Душу из меня вынял, андел мой, клянчит и клянчит: «Мама, ты попроси, мама, ты уговори». «Зачем», — спрашиваю. Говорит: «Кольшкы в табеле зарабатывать да паек двести граммов ржаного». Ну как не взять такого работника, а, Ермолай Григорьевич?

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Я бы взял, мне-то что, да беда — ножонок — то у него не хватит, чтобы коню спину обнять.

МАРИЯ. Что вы, он уже крепко держится!

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Все равно! Мал он, ему и коня не запрячь.

МАРИЯ. Сама его научу, хоть завтра с утра, до рассвета, еще до отхода на пашню к конюху поведу. Только возьми, Ермолай Григорьевич.

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Не, в ездовые не возьму, все ж таки маловат.

МАРИЯ. Так, может, на табачок воду возить?

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. А кто ж ему станет воду в бочки наливать?

МАРИЯ. Я тоже у него так спросила. Так он дотошно мне так ответил: «А я, мама, по полведерку стану! Сдюжу!»

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Молодец хлопец. Только помню я, Мария, как он эту зиму болел у тебя шибко, да как ты убивалася из-за того, и куда ж мне больного-то брать...

МАРИЯ. Как на духу тебе, дядя Ермолай, Павел-то мой до войны кожзаготовителем работал, припасено у нас было, и тулуп, и шубейка. Так за зиму все в Талицу, за Катунь перетаскала... на мед. Чо ж делать, когда дитенок мират. Выходила, Ермолай Григорьевич, крепенький он у меня, Васятка, андел мой. Сам просится, чего, говорит, мамка, сиднем сидеть.

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Головастая ты, Маня, только чего-то не договаривашь мне, а?

Пауза. Мария смотрит на дядю Ермолая какое-то время, присаживается рядом.

МАРИЯ. Васька-безотцовщина — его кличут... Характера смотрю бедового выходит, упрямый. Вроде как шутки мальчишеские, а с другой стороны, глянь — и правонарушение. Не такая жизнь его должна быть. Сердцем чую, не такая... С летом-то, так с Катуня не вытащишь, а она-то шумна, быстра, чуть оплошаешь — заглотит. (Указывает на грудь.) Тут вот, дядя Ермолай, шибко беспокойно. Возьми ты его в колхозную бригаду, привить, так сказать, серьезное отношение к жизни.

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ. Да растудыт вашу туда-сюда и в ребра! Завтра с утра к конюху штоб первым делом — запрягать научиться. А потом сюда уж.

МАРИЯ. Он сегодня от волнения ночь спать не будет! Спасибо. Век не забуду, Ермолай Григорьевич, и он не забудет, вот помянете мое слово!

Сцена 12.

По улице к дому Марии идет почтальонша Дуся. Мария, завидев ее в окно, выходит навстречу. Дуся идет сосредоточенно, нервно теребя ремень сумки. Мария улыбается ей приветливо, но Дуся отрицательно качает головой. Мария останавливается у калитки.

МАРИЯ. Что, нету для меня ничего сегодня?

Дуся проходит еще несколько шагов, останавливается.

МАРИЯ (после паузы). Скажи, что нету, Дуся. Скажи, что нету, скажи...

Дуся молчит, стоит на месте, губы ее подрагивают, она делает несколько шагов к Марии. Мария издает какой-то вскрик или всхлип, оседает у забора.

МАРИЯ. Не надо! Пошла прочь! Пошла. Проваливай, проваливай...

Дуся бросается в ноги к Марии, обнимает ее.

ДУСЯ. Прости, милая, прости моя хорошая. Не хотела я, Манечка, никак не желала тебе этот конверт принести.

МАРИЯ. Нету тебя, нету! Сон это! Уходи, пропади с глаз моих.

Мария щиплет себя за лицо, Дуся прижимает ее к себе, достает конверт. Мария видит его, зажмуривается, протягивает руку, берет конверт, вскрывает, читает. Долгая пауза, Мария сидит недвижимо, только губы беззвучно шепчут молитву.

МАРИЯ. Все...

ДУСЯ. Где?

МАРИЯ. Под Курском...

ДУСЯ. И у Акулины Толкаевой под Курском... и у Гришаевой... у Докучаевой, у Колмаковой, Осокиной, Баклановой, Куприяновой... что там... что там за Курск такой?

МАРИЯ. Третьего дня странный сон приснился мне: будто бы там, где у нас кирпичи сушат, за Сростками, народ толпится и все одни мужики. А мне вроде надо идти куда-то дальше, я их расталкиваю и иду. Вдруг вижу: Макар сидит. Мне неловко стало. Как-то надо ему сказать, что я перед ним виновата. Я и говорю: «Макарушка, я ведь замуж выходила». А он и отвечает: «Знаю, знаю. Он тоже здесь». Я оробела, даже испугалась и спрашиваю: «Где же?» — «Да вот там, в шестом стрелковом батальоне», — и махнул рукой куда-то в темноту... Проснулась в поту холодном, понятно ж к чему сон-то такой, все отгоняла его от себя, а тут ты, Дуся...

ДУСЯ. Крепись, милая.

МАРИЯ. Красивее всех в деревне был... я как осталась с двумя детьми на руках голая. Как есть голая. А он долго за мной ходил... боялась, не верила словам его... а потом... хорошо зажили, во всем ладили... он заготовителем-то работал, шкуры принимал. А я дура ревниста была, ху-у, чо делала. Он уедет в эту Стару Барду, вернется, а я его начинат и начинат: ты там у женщин был, собирайся, уходи. Он соберется, к родителям уйдет, ночует там ночь. Я уж одумаюсь, пойду к нему опять его назад звать: «Пойдем, Павел, пойдем». Характерна была... никуда б не отпустила больше... ох... на тебе, Мария, оба мужа моложе тебя, ладные, работающие, только пожилось с каждым по три с половиной годочка. Макара где покоятся косточки я так и не знаю... Не знаю теперь местечка, и где Паша лег.

ДУСЯ. И сколько ж нас таких... судеб божьих. Одна какая баба Библию читает, знает все божественные законы, посты соблюдает, исповедуется, причащается...

МАРИЯ. А я молюсь только с верой, да молитвы знаю только самые необходимые.

ДУСЯ. Вишь ты, а никого не обойдет стороной... всех зацепило.

МАРИЯ. Ох, Пашенька. Приснись мне во сне хоть в глухую ноченьку, Расскажи мне про свою несчастную смертышку *(всхлипывает)*.

ДУСЯ. Тише, полно, Манечка.

Мария снова начинает плакать. Дуся встает.

ДУСЯ. Вода-то где у тебя есть? На кухоньке?

Мария не отвечает, просто машет рукой куда-то в сторону дома. Дуся бежит в дом. Мария держит в руках конверт с похоронкой, прижимает к груди, трется о него щеками, плачет. Дуся возвращается с кружкой воды, дает ей, Мария пьет. Женщины долго неподвижно сидят на траве у забора. Начинает идти дождь.

ДУСЯ. Пойдем в дом-то, Маня, промокнем.

Мария отрицательно качает головой. Дуся снимает свою сумку, поднимает у них над головой, скрывая их обеих от дождя. Сидят так еще какое-то время.

ДУСЯ. Я по первости войны и сама не знала, что в моей черной сумке: треугольники фронтные ж перемешаны с такими же треугольниками, только... Это сейчас стали в конвертах официальных слать, а в начале войны только по почерку и можно было что-то понять, если знаешь почерк-то... Принесла как-то... в декабре, кажется, принесла я женщине немолодой уже, треугольник. Она развернула его прямо у калитки, вчиталась и так ужасно закричала. Собака во дворе завyla, а женщина, вот так же, прямо в сугроб осела. Сын у ее погиб... муж и сын в действующей армии-то, только на разных фронтах. А месяца через два, уже на исходе зимы, снова мне в тот дом, но уже несла несколько треугольников, рукописных. В первых двух муж писал ей о фронтных делах, про здоровье спрашивал, а в третьем похоронка оказалась. Все никак не забуду ее, женщину эту... как она сидела на лавке подле избы, не кричала, не плакала. Окаменела, я присела рядом с ней и плакала тихонько. Долго так просидели, потом в обнимку я ее в избу провела, она на койку опустилась. Холодно в избе... я постояла немного, печь растопила ей, и тихонько вышла. Что я еще могу? Что могу?..

МАРИЯ. Ребятишки шибко расстроятся. И так простить не могут, что не разбудили их, как Павел на фронт отправлялся. На рассвете уходил. Детишков будить не стал — поцеловал их тихонько. Ох, приснись ты мне, Расскажи про свою несчастную смертышку... что поранило твое сердечушко, совсем тебя умертвило, а мы живые...

ДУСЯ. Живые, Мария, живые, надо жить, живут же.

МАРИЯ *(распаясь)*. Каждый считает, что можно жить, со всем жить можно. Знали бы вы как трудно... я от таких ваших взглядов иной раз криком всю ночь кричу.

Дуся обнимает Марию. Сидят какое-то время молча.

МАРИЯ. Прости, не хотела я тебя обидеть.

ДУСЯ. Понимаю я, Манечка.

МАРИЯ. Ты мне помоги, милая, в одном деле-то, а то чую не дойдут ножки.

ДУСЯ. Чем, чем тебе помочь?

МАРИЯ. К Пашиным родителям сходить надо, не смогу сама, изгваздал денечек, душу всю вынул.

ДУСЯ. Конечно, пойдем, милая.

МАРИЯ. На плечи чего накинуть нужно, погоди, сейчас и тебе прихвачу.

Мария тяжело встает, покачиваясь идет к дому, держась то за забор, то за стену дома. Дуся тоже

встает, смотрит вслед уходящей женщине, сжимает почтальонскую сумку. На дороге появляется председатель сельсовета Марчук.

ДУСЯ. Михаил Никандрч...

МАРЧУК. Ни здарсьте, ни пожалуйста, сразу Михаил Никандрч. Чего надо?

ДУСЯ. Михаил Никандрч, я должна сказать вам, што... што...

МАРЧУК. Ну чего тянешь? С неба льет, а она тянет. Говори давай.

ДУСЯ. Увольняюсь я. Вот што.

МАРЧУК. Как же это?

ДУСЯ. Не могу больше... не могу больше быть разносчиком чужого горя, смерть людям разносить.

МАРЧУК. Ты о чем это, Дуся?

ДУСЯ. А вот об этом всем! *(Дуся кидает сумку на землю, топчет ее ногами.)* О похоронках этих проклятых... будь оно проклято все...

МАРЧУК. Спокойнее, бабонька! В руки-то себя возьми! Дуся бросается на него с кулаками, тот легко защищается.

ДУСЯ. А сам попробуй людям в глаза смотреть, боров бездушный! Орясина ты такая! Сам-то чистенький! А ты попробуй походи, загляни людям в глазоньки-то! На вот, на!

Дуся хватает выпавшие из сумки треугольники, бросает в председателя. Из дома выходит Мария, накинула дождевик на плечи.

МАРЧУК. Ты у меня, за порчу личного имущества граждан...

МАРИЯ. Что у вас тут, Дуся?

МАРЧУК. Белены объелась твоя Дуся.

ДУСЯ. Все равно уволюсь, не выдерживат сердце напряжения... *(плачет)*.

МАРЧУК. Уволиться она хочет, лоботряска... а кто письма разносить будет?

МАРИЯ. Сам-то попробуй! Знал бы ты, Михал Никандрч, как она отхаживала меня сейчас. И каждую бабу, как я, отхаживат, и словом пособит, обымет...

МАРЧУК *(шокированно)*. Прости, Мария. Прими соболезнования... не знал я... подумаем в сельсовете, чем помочь тебе.

МАРИЯ. Чем уж сможешь тут? *(Дусе.)* Сколько ты, милая, принесла сегодня?

ДУСЯ. Толкаевым отнесла, Гришаевой, Колмаковой, Докучаевой бабе Наде, Осокиной Вере, Баклановой Мане, Куприяновой...

МАРЧУК. Святы Господи...

МАРИЯ. А ты девку ни за что ни про что кроешь!

МАРЧУК *(тихо)*. Все понимаю, а работать кто будет?

МАРИЯ *(Дусе)*. К тебе привыкли уж все, каждая собака тебя знает, а новому почтальону достанется-то по первое число. И кто ж кроме тебя, милая, слово-то нужное подберет? Кто кроме тебя лаской одарит, да? А поддержит кто кроме тебя, да? *(Дуся всхлипывает, кивает согласно, Мария обнимает ее.)* Иди, Михал Никандрч, без тебя управимся.

МАРЧУК. Ага... ага... прости, Мария, не знал, прими, как говорится, соболезнования.

Марчук уходит. Мария и Дуся остаются одни. Мария начинает собирать с земли письма, кладет в сумку. Дуся помогает, затем обнимает Марию, берет ее под руку.

Женщины медленно идут по дороге голова к голове. Дождь не прекращается.